

Младший дядя вернулся в Даосский дворец Спокойной Мудрости вместе с учениками. Лицо его было темнее тучи.

— Эти демонические заклинатели опять объявились. На Сыту Хуншаня напали из засады, он тяжело ранен, — хмурясь, произнес Чжао Цзычэнь. — Почему мне кажется, будто твари помогают Школе Наполненных Созвездий?

Чжао Наньсин хранил глубокое молчание.

— Если нам удастся схватить хотя бы нескольких демонов, допрос быстро прояснит их замыслы, — предложил Хэ Сюэчжэнь.

— Хм, на этот раз пришел и Сюэ Цинь по прозвищу Кровавый Цинь. Его мелодии туманят разум. Сто лет назад, во время Великой войны бессмертных и демонов, он со своим цинем унес жизни множества праведных заклинателей.

— Колдовским звукам Сюэ Циня можно противостоять лишь силой духа, но медлить нельзя. Стоит затянуть бой — и разум помутится даже у сильнейших. К тому же среди них затесался этот Сокрушитель Гор, Цуйшань. Его защита крепка, а истинная ци глубока и неисчерпаема. С ним совладать непросто.

Хэ Сюэчжэнь прекрасно знал, как бороться с Сюэ Цинем — в прошлой жизни ему уже довелось поучаствовать в истреблении демонов. Вот только открыть эту тайну младшему дяде он не мог: попробуй объясни, откуда у него такие познания.

Вместо долгих объяснений он начертал особый талисман и передал его дядьям. Как только Сюэ Цинь начнет свою игру, колдовские волны его музыки активируют скрытую печать переноса, и Сюэчжэнь мгновенно окажется на поле боя. Тогда-то они добудут живого свидетеля, способного указать на Хэ Чуншаня.

Хэ Чуншань распоряжался демоническими слугами без малейшей жалости, швыряя их в пекло как расходный материал, а потому долго ждать удобного случая не пришлось.

Сюэчжэнь как раз обменивался тренировочными ударами с Сыту Цинхуанем, когда его грудь пронзила ослепительная вспышка. Доля секунды — и юноша растаял в воздухе.

Стоявший неподалеку Сыту Ни в полном замешательстве повернулся к Сыту Цинхуаню:

— Куда он подевался?

Сыту Цинхуань ненадолго задумался, а затем быстрыми жестами объяснил: сработал древний телепортационный массив.

— Откуда мой спутник знает подобные техники? — изумился Сыту Ни. — Я ведь читал о них лишь в полузабытых трактатах.

Внезапное появление племянника заставило Чжао Цзычэня вздрогнуть от неожиданности.

— Сюэчжэнь?! Как ты здесь оказался?!

Хэ Сюэчжэнь не стал тратить время на расспросы. Вскочив на парящий меч, он взмыл ввысь и скрылся в уединенном уголке поля боя, где тут же проглотил пилюлю изменения личины. Это снадобье не просто меняло черты лица — оно преображало тембр голоса, перестраивало кости и полностью скрывало духовную мощь, делая заклинателя неузнаваемым для любого взора. В Даосском дворце Спокойной Мудрости такие пилюли ценились на вес золота и раскупались мгновенно, несмотря на баснословную цену.

Выбранное место находилось в непосредственной близости от Сюэ Циня, но оставалось неприметным — идеальная позиция для его плана. Тем временем Чжао Цзычэнь, ошарашенный стремительным исчезновением племянника, почти поверил, что от напряжения боя у него начались видения.

Тем временем полчища демонов наступали со всех сторон. Чжао Наньсин держал оборону на севере, ведя ожесточенный бой с Цуйшанем. Сюэ Цинь возвышался на скале, прижимая к себе зловещий инструмент. Из-под его пальцев вырывались рваные, лишенные гармонии звуки. Мелодия казалась уродливой и дикой, но стоило вслушаться в нее, как разом заволакивало туманом, а перед глазами расцветали пугающие иллюзии.

Старшие мастера Чжао Наньсин и Чжао Цзычэнь успешно сопротивлялись наваждению благодаря глубокому самосовершенствованию, однако менее опытные адепты Даосского дворца Спокойной Мудрости уже пали жертвой колдовства. Потеряв рассудок, они в слепой ярости разили мечами воздух и собственных соратников.

Чжао Цзычэню приходилось не только отбиваться от нападающих демонов, но и прикрывать обезумевших учеников. Если бы не защитные свойства его драгоценных духовных одежд, он давно бы истек кровью от многочисленных ран.

Скрытый тенью деревьев, Хэ Сюэчжэнь сорвал бамбуковый листок и прижал его к губам.

Музыкальному искусству его когда-то обучил Цуй Чжи. Чтобы одолеть Сюэ Циня, существовало два пути.

Первый заключался в том, чтобы исполнить более совершенную и чистую мелодию, перехватив власть над затуманенным разумом бойцов. Именно так в прошлой жизни поступил Цуй Чжи, однако Сюэчжэнь понимал, что его мастерства для этого недостаточно.

Второй путь требовал иного подхода: восполнить недостающее.

Колдовская музыка Сюэ Циня подавляла волю именно за счет своей рваной, дисгармоничной природы — в ней намеренно пропускались ключевые созвучия. Стоило встроить утерянные звенья обратно в мелодический узор, как безумие отступало.

И Хэ Сюэчжэнь заиграл на бамбуковом листке.

Чистая, звонкая трель бамбуковой свирели легко взмыла над полем боя. Она безупречно вплелась в безумный рокот циня, заполняя лакуны и сглаживая острые углы. На глазах уродливый хаос превращался в величественную, размеренную песнь. Сюэ Цинь почти сразу почувствовал, что теряет контроль: в глазах очарованных заклинателей прояснилось, пелена безумия спадала.

Почувствовав облегчение, Чжао Цзычэнь перегруппировал силы и поспешил на помощь брату, чтобы общими силами сокрушить Цуйшаня.

В ярости и смятении Сюэ Цинь ускорил темп, его пальцы замелькали над струнами, извлекая яростные, быстрые звуки. Однако Сюэчжэнь неотступно следовал за каждым его движением — ведь ему требовалось лишь вовремя вставлять редкие, но точные аккорды.

— Прикончите его! Разорвите мерзавца на куски! — прохрипел обезумевший старик.

Горстка демонов ринулась к укрытию Сюэчжэня, но адепты Даосского дворца Спокойной Мудрости быстро смекнули, кто спас их от гибели. Они плотным кольцом окружили таинственного союзника, отбивая яростные атаки врага.

— Отступаем! — взревел Цуйшань.

Но стоило силам тьмы дрогнуть, как посреди лба каждого демона ярко вспыхнула багровая метка. Исказившись от нечеловеческой боли, твари застыли на месте, словно пригвожденные к земле неведомой силой. Ни один не посмел сделать и шага назад.

Хэ Сюэчжэнь прищурился, глядя на багровые огоньки. Снова Кровавые жемчужины. Старый трюк. В своей прошлой жизни он помнил, как Хэ Чуншань выменял этот кошмарный артефакт у самого Владыки Демонов, заставив полчища нечисти беспрекословно подчиняться своей воле.

У демонов не оставалось выбора: любая попытка бегства грозила тем, что Хэ Чуншань попросту раздавит жемчужины в их телах, разорвав несчастных изнутри. Обреченные твари продолжали иступленно наступать, но их натиск слабел. Чжао Наньсин и Чжао Цзычэнь разили врагов с удвоенной силой, а вскоре на поле боя подоспело подкрепление во главе с мастерами семьи Сыту, окончательно закрепив перевес.

— Какого черта мы медлим?! Нас всех здесь положат! — в ярости прорычал Цуйшань.

Сюэ Цинь лишь крепче стиснул зубы. Его окровавленные пальцы продолжали терзать струны:

— Забудь про остальных! Сначала убейте этого подлеца с бамбуковым листом!

Но пока звучала свирель Сюэчжэня, грозное оружие Сюэ Циня оставалось бесполезным куском дерева.

— Не тратьте силы на мою защиту, — негромко произнес Сюэчжэнь адептам. — Возьмите Сюэ Циня живым.

Поняв, что дело проиграно, старый демон попытался скрыться в лесной чаще.

Он был сердцем этого отряда, и его бегство повлекло за собой повальное отступление уцелевших приспешников. Но не успели они сделать и десятка шагов, как истошные крики огласили окрестности: демоны один за другим падали на колени, харкая кровью. Кровавые жемчужины пожирали их изнутри, лишая малейшего шанса на спасение.

Лицо Сюэ Циня исказилось от дикой ярости и бессилия.

— Тварь шелудивая! — взревел он в небеса. — Ты держишь нас за безродный скот! Чтоб ты сдох лютой смертью, ублюдок!

Опасаясь, что Хэ Чуншань мгновенно прервет его жизнь, он не смел выкрикнуть имя предателя, но яд его ненависти сочился из каждого слова. Хэ Чуншань сознательно загонял их в ловушку, вынуждая драться до последнего вздоха. Победить — значит выжить; проиграть — по крайней мере, обескровить Даосский дворец Спокойной Мудрости. В любом случае этот подлый интриган оставался в выигрыше.

Жизни демонов для него не стоили и ломаного гроша.

Зажатые в угол, демоны отбросили всякий страх. Безумная отвага обреченных заставила их ринуться на праведных заклинателей в последний, смертоносный прорыв. Окрестности содрогнулись от яростного рева и звона клинков. Хэ Сюэчжэнь взмыл повыше на своем мече, уходя от взрывных волн бушующей вокруг истинной ци.

Силы нападавших иссякали. Вскоре Чжао Наньсину и Чжао Цзычэню удалось сразить Цуйшаня и скрутить обессиленного Сюэ Циня. Оставшиеся демоны либо пали от мечей заклинателей, либо превратились в кровавое месиво из-за разорвавшихся Кровавых жемчужин. Поле битвы представляло собой жуткое зрелище.

Пленение Сюэ Циня означало, что возмездие над Хэ Чуншанем близко. Сюэчжэнь облегченно вздохнул, пока выжившие заклинатели собирались вокруг него со словами благодарности.

Поскольку юноша все еще находился под действием пилули изменения личины, Чжао Наньсин вежливо поклонился:

— Могу ли я узнать имя благородного бессмертного мастера, спасшего нас?

— Я лишь безвестный странник, мое имя не заслуживает упоминания, — уклончиво ответил Сюэчжэнь.

В этот момент стянутый путами бессмертных Сюэ Цинь рухнул на землю, заходясь в истошном крике. Заклинатели испуганно отпрянули.

— Осторожно! Это может быть уловка!

Хэ Сюэчжэнь стремительно опустился на колени рядом с бьющимся в конвульсиях стариком и быстро сплел пальцы в защитную печать.

Демоны лишались воли именно в те моменты, когда пытались отступить. Это значило, что Хэ Чуншань следил за ходом битвы в реальном времени. В тайной обители Школы Наполненных Созвездий находился Небесный пруд — достаточно было пролить в его воды каплю чужой крови, чтобы явить взору образ врага на целых три часа. В своей прошлой жизни, унаследовав пост главы школы, Сюэчжэнь нередко прибегал к этому пруду, чтобы украдкой наблюдать за Цуй Чжи.

Сомнений не было: Хэ Чуншань сейчас не сводил глаз с зеркальной глади пруда. Увидев, что Сюэ Цинь схвачен, он сделает все, чтобы оборвать нить, ведущую к нему. Он заставит Кровавую жемчужину взорваться!

«Я не позволю ему заставить свидетеля замолчать!» — твердо решил Сюэчжэнь.

В это же самое время Хэ Чуншань стоял на берегу Небесного пруда, сосредоточенно направляя свою духовную силу в Кровавую жемчужину. Участь Сюэ Циня была предрешена еще в тот день, когда этот кошмарный артефакт впервые оказался в руках главы школы.

Сегодняшнее побоище принесло отличные плоды: силы Даосского дворца Спокойной Мудрости и семьи Сыту изрядно потрепаны, а наглый, строптивый старик навсегда замолчит. Пусть Владыка Демонов и призовет его к ответу за потерю верных слуг, Хэ Чуншань сумеет пережить этот гнев. Цена была вполне приемлемой.

Глядя на бьющегося в агонии Сюэ Циня на водной глади, Хэ Чуншань довольно ухмыльнулся. Все эти напыщенные глупцы, презиравшие его — старый демон, Чжао Доучун, Чжао Наньсин,

Чжао Цзычэнь, Чжао Чжэньчжэнь и этот неблагодарный щенок Хэ Сюэчжэнь, — заплатят сполна. Каждому из них он вернет долг с лихвой.

Внезапно изображение подернулось рябью и растаяло. Три часа истекли, Небесный пруд вновь превратился в обычную воду.

Хэ Чуншань пренебрежительно хмыкнул, но продолжил вливать ци в духовную связь, завершая ритуал. Немного жаль, что не удалось насладиться кровавым салютом лично, но сомневаться не приходилось: Кровавая жемчужина уже разорвала плоть Сюэ Циня на мелкие куски. Любоваться ошметками гнилого мяса — сомнительное удовольствие.

— Старший, что вы делаете?

— Мастер, берегитесь! Этот демон может притворяться!

— Взгляните, он истекает кровью точь-в-точь как те мертвецы...

Не слушая предостережений, Хэ Сюэчжэнь прижал ладонь с начертанной печатью ко лбу демона.

Конвульсии Сюэ Циня утихли, а багровое свечение на его лбу начало блекнуть, пока совсем не исчезло. Лишь тогда Сюэчжэнь убрал руку и обратился к застывшим от изумления заклинателям:

— В его теле была скрыта Кровавая жемчужина. Если бы я не вытянул ее разрушительную силу, он разлетелся бы на куски.

Один из старейшин семьи Сыту недоверчиво сощурился:

— Кто ты такой и зачем спасаешь исчадие тьмы?

Чжао Наньсин поспешил вмешаться:

— Этот демон — всего лишь пешка в чьих-то руках. Нашему Даосскому дворцу Спокойной Мудрости необходим живой свидетель, чтобы докопаться до истины.

— Верно говорит брат, — поддержал его Чжао Цзычэнь. — Не успели мы связать его, как неведомый куковод попытался уничтожить улику.

Хэ Сюэчжэнь едва заметно кивнул. Дяди соображали быстро, избавляя его от лишних расспросов.

Чжао Наньсин вновь повернулся к таинственному спасителю:

— И все же... Откуда почтенному мастеру ведомы столь редкие техники извлечения жемчужины? Да и бамбуковый лист, расстроивший чары Сюэ Циня...

В своей прошлой жизни Сюэчжэнь не раз видел, как Хэ Чуншань манипулировал Кровавыми жемчужинами, и за долгие годы невольно перенял этот навык. Решив не выдавать себя, он высокомерно хмыкнул, напустив на себя вид умудренного годами отшельника:

— Юноша, раз уж тебе ведомо прозвище Кровавого Циня, с чего ты взял, что старые мастера не знают, как обуздать его жалкие фокусы?

Чжао Наньсин счел этот довод разумным. С момента последней войны с демонами прошло меньше века, и в Поднебесной до сих пор жили мастера, знавшие повадки темных тварей наизусть. Сам он ведь тоже когда-то бился на рубежах и помнил зловещую славу Сюэ Циня.

— Прошу простить мою непочтительность, — вежливо склонил голову Чжао Наньсин. — Младший проявил излишнее любопытство.

Слышать, как родной дядя смиренно называет себя «младшим», было невыносимо. Убедившись, что жизни пленника ничто не угрожает, Сюэчжэнь поспешил откланяться.

Заклинатели пытались удержать таинственного избавителя, но тот растаял в воздухе так же стремительно, как и появился.

Приняв пилюлю возвращения облика, Хэ Сюэчжэнь вернулся к своей обители. Еще издали он приметил одинокую фигуру Сыту Ни, стоявшего на краю обрыва — именно там, где не так давно проходила их церемония слияния судеб. Юноша беспокойно вглядывался в туманную даль.

Сюэчжэнь направил меч к утесу и плавно опустился перед ним.

— Зачем ты здесь стоишь?

Завидев Сюэчжэня, Сыту Ни радостно улыбнулся:

— О, ты так внезапно исчез! Цинхуань велел мне ждать тебя здесь. Он сказал, что ты скоро вернешься.

Спрятав меч в ножны, Сюэчжэнь пошел бок о бок с ним по тропе, ведущей вниз к подножию горы.

— Если кто-то станет расспрашивать о сегодняшнем дне, помни: я ни на минуту не покидал пределов нашей обители.

Сыту Ни послушно закивал, даже не подумав задавать лишние вопросы. Его трогательная, простодушная наивность искренне радовала Хэ Сюэчжэня.

<http://bllate.org/book/18268/1750902>